

ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ПОСЛЕДНИЕ УДЕЛЫ ПРИ ВАСИЛИИ III

Мир с Казанью. — Михаил Глинский и король Сигизмунд I. — Возмущение Глинского и отъезд его в Москву. — Жалобы псковичей на московского наместника. — Василий III в Новгороде и поимание псковских лучших людей. — Посольство дьяка Далматова. — Василий III в Пскове, вывод псковичей и переустройство Пскова. — Дьяк Мисюрь Мунехин. — Кончина королевы Елены Ивановны. — Новый разрыв Литвы с Москвой. — Троекратная осада и взятие Смоленска. — Измена Глинского и Оршинское поражение. — Посредничество императора Максимилиана. — Перемирие. — Татарские отношения. — Присоединение Рязани к Москве. — Нашествие Махмет-Гирея. — Присоединение Северной земли

Заяв великокняжеский престол, Василий Иванович прежде всего постарался оградить его от притязаний племянника и бывшего соперника своего Дмитрия Ивановича, когда-то торжественно венчанного на великое княжение. Дмитрий подвергся еще более тесному тюремному заключению, которое и свело его в раннюю могилу, спустя года три с половиною. Оставленное им духовное завещание показывает, что, лишенный свободы, он как бы взамен ее был наделен значительным имуществом, т.е. деньгами, платьем, дорогою «рухлядью» и селами.

Мы видим, что последние дни Ивана III были омрачены восстанием казанского царя Махмед-Аминя против москов-

ской зависимости и нападением на русские пределы. Василий III начал с того, что породнился с семьей казанских ханов. Один из сыновей хана Ибрагима, взятый в плен при Иване III, по имени Худай-Кул, по его собственной просьбе был торжественно окрещен в реке Москве и получил имя Петра (в декабре 1505). Месяц спустя великий князь выдал за него свою Евдокию. Этот царевич Петр занял видное место при Московском дворе среди русских князей и бояр. Дождавшись весны (1506 года), Василий послал для усмирения казанцев Федора Бельского и других воевод с многочисленной ратью; пехота отправилась по обычаю на судах, а конница сухим путем. Главное начальство великий князь вверил своему брату Димитрию Ивановичу, прозванием Ж и л к а, который оказался вождем неопытным и малоспособным (как это нередко бывает с предводителями, назначенными не по заслугам и талантам, а по высокому рождению). Прибыв под Казань с судовой ратью, он не стал дожидаться конницы и сделал приступ, но потерпел поражение; когда же подошла конница, он, не дожидаясь посланных к нему подкреплений, опять сделал приступ, и опять так неискусно, что вновь был разбит и со стыдом отступил в Нижний Новгород. В Москве начали готовиться к новому походу и завязали сношения с враждебными Казани ногайскими татарами, когда явилось посольство от Махмед-Аминя с просьбою помириться на прежних условиях и с предложением воротить всех пленных. Великий князь, по совету бояр, согласился на эту просьбу, и мир был заключен (1508 г.) (1).

В то время главное внимание Московского правительства вновь сосредоточилось на отношениях к своему западному соседу, великому княжеству Литовско-Русскому.

Король польский и великий князь литовский Александр Казимирович, узнав о смерти своего тестя Ивана III, думал воспользоваться изменившимися обстоятельствами и завязал с Василием переговоры о вечном мире, требуя возвращения отнятых у Литвы областей. Разумеется, такое требование было отвергнуто, и Александр начал готовиться к новой войне с Москвою, опять приглашая к участию в ней

литовского магистра Вальтера Плеттенберга. Но, во-первых, Плеттенберг на этот раз не показывал усердия к войне; а во-вторых, в это время произошла у короля сильная распря с литовскими вельможами: виновником ее был его любимец, князь Михаил Львович Гли н с к и й.

Сей последний происходил от одного знатного татарского выходца времен Витовта; он получил образование за границей, побывал в Испании и Италии, где изменил православной вере своих родителей и перешел в католицизм. Некоторое время он служил при дворе и в войске императора Максимилиана, а также у курфирста Саксонского, славился знанием военного дела, владел обширными землями и многими замками в Литовско-Русском княжестве и в качестве литовского надворного маршала сделался самым приближенным и доверенным лицом короля Александра. Один его брат, Иван Львович, занимал важный уряд в юго-западной Руси; он был воеводою киевским. Другой брат, Василий Львович, также владел в западной Руси многими поместьями и замками. Отличаясь гордостью и властолюбием, Михаил Глинский вооружил против себя многих вельмож, которые, конечно, завидовали его влиянию на короля. Однажды, по его просьбе, Александр отнял Лидское староство у пана Ильинича и отдал его Андрею Дрожжи, клиенту Глинского. Ильинич обратился с жалобою к литовским панам-радам, во главе которых стояли Войтех Табор, епископ виленский, Николай Радивил, воевода виленский, Ян Заберезинский, воевода трокский, Станислав Янович, староста жмудский, Станислав Глебович, воевода полоцкий, и Станислав Кишка, наместник смоленский. Эти радные паны сослались на обязательство, данное Александром при возведении его на литовский престол, не отнимать ни у кого урядов, за исключением таких преступлений, за которые полагалось лишение чести и жизни. На этом основании литовская рада не допустила Дрожжи до Лидского староства и возвратила его Ильиничу. Король, находившийся в Кракове, услышав о том, сильно разгневался на литовских панов. Есть известие, что, возбуждаемый Глинским, он задумал схватить их и посадить

в заключение; для чего призвал их на сейм в Берестье. Но коронный канцлер, Ян Лаский, предостерег о том литовских вельмож, и они отказались войти в замок. Вместе с духовником королевским он отговорил Александра от насильственных действий; тем не менее, король отнял Трокское воеводство у Заберезинского, велел Ильинича посадить в тюрьму, а остальным ослушникам запретил показываться себе на глаза. Но потом простил их по просьбе польских паннов. Вскоре самого Александра постигло несчастье: его разбил паралич. Если верить одному западно-русскому летописцу, это произошло на следующем сейме в Радоме, именно после речи епископа Войтеха Табора, который напомнил королю его присягу соблюдать литовские привилегии и пригрозил небесною карою всякому их нарушителю. От неудачного лечения болезнь вскоре приняла опасный характер. Приехав в Литву, больной король собрал сейм в городе Лиде; но тут пришло известие о вторжении крымских татар.

Занятые своими внутренними распрями, король и литовские вельможи мало занимались обороною южных пределов, и татарские хищники стали делать почти ежегодные набеги. Особенно сильное вторжение произвели они в августе 1506 года, явясь в количестве двадцати или более тысяч под начальством двух своих царевичей, сыновей Менгли-Гирея. Миновав Слуцк, они остановились табором около замка Клецка и распустили свои загоны во все стороны. Пожарное зарево обозначило пути этих хищников, которые принялись повсюду грабить и захватывать людей в плен. Некоторые загоны появились в окрестностях Лиды. Король принужден был спастись в Вильну, куда отправился на носилках, привязанных между двумя конями, сопровождаемый своею супругою, Еленой Ивановной, епископом Войтехом и коронным канцлером Ласким. До десятка тысяч наскоро собранного литовского войска он поручил великому гетману литовскому Станиславу Кишке и своему любимцу Михаилу Глинскому. Последний поспешил ударить прямо на главный стан прежде, нежели возвратятся к нему распущенные отряды или загоны. В походе Кишка сильно захворал,

и все начальство над войском сосредоточилось в руках Глинского. Он напал на татарских царевичей под Клецком и одержал над ними блистательную победу; не только почти все пленные были отбиты, но и большая часть хищников или пала, или была взята в плен. Когда известие об этой победе достигло Вильны, король находился уже на смертном одре. Лишенный языка, он мог только глазами и слабым мановением руки выразить свою радость о победе, и вслед затем скончался. Он оставил по себе память государя чрезвычайно щедрого на подарки и раздачу имений своим вельможам и слугам, чем совершенно истощил государственную казну, и раздарил едва не все казенные земли. Его брак с Еленой Ивановной был бездетен.

Согласно с желанием покойного короля, канцлер Лаский хотел везти тело его для погребения в Краков; но литовские вельможи воспротивились тому: они должны были бы сопровождать его; а между тем, в их отсутствие Глинский мог воспользоваться своею славою победителя и собранным войском, чтобы захватить в свои руки верховную власть в Литовско-Русском княжестве. Короля погребли в Вильне. Вскоре за тем прибыл сюда и выбранный великим князем литовским младший Казимирович Сигизмунд, князь Глоговский. Опасения против Глинского не оправдались. Он первый выехал навстречу Сигизмунду и приветствовал его, обещая с своей стороны верную службу. Вслед за тем и польские паны-рады выбрали Сигизмунда своим королем.

Когда весть о кончине Александра Казимировича достигла Москвы, Василий Иванович отправил послов под предлогом навестить свою сестру, вдовствующую королеву Елену Ивановну. Но главная цель посольства была иная: он поручал ей внушить литовской раде, «чтобы похотели его государства и службы бы похотели», т.е. чтобы выбрали его, Василия, на литовский престол, обещая ни в чем не нарушать свободы католического вероисповедания. Послам поручено было переговорить о том же предмете с епископом виленским Войтехом, Николаем Радивилом и други-

ми членами рады. Королева отвечала, что, по завещанию ее покойного супруга и по избранию рады, престол уже занял Сигизмунд Казимирович. Любопытно, однако, как рано в Москве проявляется идея о воссоздании западной Руси с восточною не одною только силою оружия, но и другими способами (²).

Сигизмунд, самый младший из сыновей Казимира, вскоре показал, что он далеко превосходил своих старших братьев умом, энергией и политической ловкостью. Природа одарила его, сверх того, величественною наружностью, а также замечательною телесною крепостью и силою: он легко ломал подковы. Едва вступив на польский и литовский престол, он возобновил приготовления своего предшественника к войне с Москвою, чтобы отнять у нее завоеванные Иваном русские области, потеря которых была слишком чувствительна для Литвы. Время для того казалось благоприятным. Москвитяне только что потерпели важные неудачи под Казанью. Сигизмунд вошел в сношение с Магомет-Амином казанским и его вотчимом, Менгли-Гиреем крымским, подговаривая их одновременно с литовцами идти на Московское государство. К участию в этом наступательном союзе он приглашал и ливонского магистра Плеттенберга. Приготавливая такую коалицию против Москвы, Сигизмунд отправил к Василию Инановичу посольство с известием о своем восшествии на престол и вместе с новым требованием об уступке литовских областей, захваченных в предыдущей войне. В Москве на это требование дали прежний ответ, что великий князь никаких чужих вотчин за собою не держит, а держит города и волости свои собственные, наследованные от своих прародителей. На жалобы литовских послов относительно некоторых пограничных обид и захватов со стороны московских людей московское правительство отвечало исчислением таковых же обид от литовских людей. Дело в том, что благоприятные для Сигизмунда обстоятельства уже миновали. С Казанью Василий успел помириться и мог теперь собранные против нее силы обратить в другую сторону, Крымская орда ограничилась набегом на московские окрай-

ны (летом 1507 года); а затем Менгли-Гирей медлил со своею помощью, хотя Сигизмунд старался задобрить его большими подарками. Потворствуя его тщеславию, он взял у крымского хана, как бы у прямого наследника Золотой Орды, ярлык не только на земли, которыми владел, на киевскую, волынскую, подольскую, смоленскую, но и на те города, которые находились под Москвою, каковы: Чернигов, Новгород Северский, Курск, Путивль, Брянск, Мценск, Великий Новгород, а также Псков, Рязань и Пропек. Ливонский магистр Плеттенберг отказывался от участия в войне и, при посредничестве императора Максимилиана, хлопотал о заключении с Москвою вечного мира. А главное и в самой Литовской Руси произошло тогда открытое восстание, поднятое Михаилом Глинским.

Со вступлением на престол Сигизмунда князь Глинский утратил свое первенствующее значение при литовском дворе; мало того, новый король оказывал ему явную холодность и недоверие. Последнее особенно выразалось в том, что у брата его, Ивана Львовича, Сигизмунд отнял киевское воеводство, вместо которого дал новгородское, гораздо менее значительное. С своей стороны враждебные литовские паны старались оскорблять и унижать гордого князя. Ян Заберезинский прямо обвинял его в тайных замыслах и называл его изменником. Глинский тщетно просил короля дать ему суд с Заберезинским. Напрасно он ездил в Венгрию к королю Владиславу, Сигизмундову брату, с просьбою вступить в его дело. Пылая мщением, он удалился в свои туровские поместья. Говорят, будто, уезжая, он сказал про короля, что вынужден им покуситься на такое дело, о котором после оба они будут горько сожалеть.

В Москве, как видно, зорко следили за всем, что происходило в Литовской Руси. Сюда явились посланцы Василия Ивановича с грамотами, которые приглашали братьев Глинских поддаться со своими землями великому князю Московскому, конечно, подобно тому как поддались князья Воротынские, Одоевские, Белевские, Новосильские и др. Не вдруг Михаил Львович склонился на эти предложе-

ния, и, вероятно, только обещания посадить его на древний княжеский стол, киевский или смоленский, побудили его оставить колебания и открыто поднять оружие (1507). Московские войска уже завоевали литовские пределы со стороны Смоленска. Михаил Глинский начал с того, что с семьями всадниками явился под Гродном; здесь внезапным нападением захватил своего главного врага Заберезинского, велел отрубить ему голову и бросить ее в озеро. Потом он соединился со своими братьями, Иваном и Василием, и начал распространять восстание по западной Руси. Братья имели множество приятелей и клиентов между русскими боярами и шляхтой и, очевидно, хотели встать во главе русской православной партии, которая была недовольна католической литовской династией, т.е. начинавшими притеснениями своей церкви, и мечтала о восстановлении утраченной самобытности. В следующем 1508 году Глинский широко распустил свои загоны, чтобы препятствовать сбору литовских войск; ему удалось взять Туров, Мозырь и еще некоторые города и занять их своими гарнизонами. Но его предприятия против Слуцка и Минска не удались. Напрасно он звал к себе на помощь московских воевод, которые воевали земли по верхнему Днепру. По приказу Василия Ивановича сам Глинский должен был идти туда же на соединение с московскими войсками и вместе с ними осаждать крепость Оршу. Но эта осада затянулась. Между тем Сигизмунд собрался с силами и лично пришел на помощь осажденным. При его приближении московские воеводы, вопреки убеждениям Глинского, уклонились от решительной битвы и отступили за Днепр. Остановясь в Смоленске, король поручил начальство над войском гетману литовскому, князю Константину Острожскому. Это тот князь Острожский, который был разбит москвитянами и взят в плен на Ведроше при Иване III. Василий Иванович выпустил его на свободу под условием службы и пожаловал вотчиной. Острожский дал клятвенную запись служить верой и правдой и никуда не отъезжать, за поручительством митрополита Симона, нескольких архиманд-

ритов и игуменов. Великий князь поставил его в числе своих воевод; а Константин Острожский, известный своей приверженностью православной церкви, воспользовался первым удобным случаем и бежал в Литву, в то самое время, когда католик Михаил Глинский, наоборот, передался московскому государю.

Впрочем, на этот раз война продолжалась недолго и окончилась в начале следующего 1509 года. С одной стороны, Сигизмунд опасался, что восстание, поднятое Глинским в Литовской Руси, может распространиться и повести к новому отпадению областей в московское подданство, а с другой — Василий Иванович убедился, что помощь, оказанная ему этим восстанием, далеко не соответствовала его ожиданиям. Поэтому он охотно согласился на мирные предложения Сигизмунда. Мир был заключен на основании *status quo*; но важно то, что за Москвою утверждены спорные области, захваченные Иваном III. За то братья Глинские заплатились своими владениями в Литовской Руси и должны были искать убежища и новых вотчин у великого князя московского.

Вслед за этим миром Ливонский Орден тоже просил о продолжении истекшего перемирия, заключенного с Иваном III. Перемирие было продолжено на 14 лет ⁽³⁾.

В Москве сознавали непрочность мира с Литвой и воспользовались временным отдыхом, чтобы покончить с самобытностью Пскова — этой последней на Руси вечевой общины. Василий Иванович, верный отцовским преданиям, поступил в этом случае с великим расчетом и крайнею осторожностью.

Последнее время псковской самобытности сопровождалось внутренними распрями и смутами. При частой перемене великокняжеских наместников, присылаемых из Москвы уже без всякого согласия со Псковом; при явном упадке вечевого и посаднического авторитета; при усилении черни, покровительствуемой Москвою, псковское вече приобрело более шумный и беспорядочный характер; им

завладели крикуны, не слушавшие друг друга и часто не понимавшие того, что сами говорили. Вместе с тем упало правосудие, а безнаказанность поощряла лихих людей; появилось такое хищение общественных сумм, о котором дотоле не было слышно. В 1509 году был пойман в воровстве пономарь Троицкого собора Иван: он брал деньги из ларей, т.е. из общественной казны, хранившейся в кладовой этого собора, и всего успел наворовать 400 рублей. Псковичи пытали его на вече кнутом и заставили во всем признаться. Это было на масленице, а весной после Троицына дня его живого сожгли на реке Великой.

В начале того же 1509 года Василий Иванович отозвал из Пскова князя Петра Васильевича Великого, а на его место прислал князя Ивана Михайловича Репню Оболенского (из рода суздальских князей), прозванного Н а й д е н о м. Прозвание это псковичи дали ему по следующему поводу. Обыкновенно, при въезде нового князя-наместника, псковичи выходили к нему навстречу с духовенством и со крестами, причем служили молебен, а потом отводили его в Троицкий собор и там совершали торжественный обряд посажения на стол. Но в Москве такие церемонии считали уже излишними, а потому Оболенский не предупредил о своем приезде и прямо остановился на загородном князем дворе, где псковичи его и нашли (оттуда и прозвание Найдена). Впрочем, они после того отслужили молебен на Торговой площади и все-таки совершили обряд посажения в Троицком соборе. Этот князь-наместник оказался лют и немилостив до псковичей, особенно до класса зажиточного, помещичьего, так что своими притеснениями и вымогательствами скоро вызвал жалобы великому князю со стороны псковских детей посадничьих и боярских. По-видимому, уже самое назначение Репни Оболенского во Пскове было сделано с расчетом на его характер и на эти жалобы. Великий князь отвечал псковичам, что даст им управу, как скоро приедет в Великий Новгород. В октябре 1510 года он, действительно, прибыл сюда, окруженный многочисленной военной силою. Целью этого военного похода был, ко-

нечно, не Новгород Великий, а именно Псков; но псковичи в это время действовали, как бы пребывая в какой-то слепоте и сами помогали против себя великому князю.

Услыхав о приезде Василия в Новгород, псковичи отправили туда послами двух посадников, Юрия Елисеевича и Михаила Помазова, и по боярину с каждого конца. Посольство поднесло великому князю в дар полтораста новгородских рублей и било ему челом от его отчины Пскова на обиды князя Репни и его людей. Василий принял дар и ласково отвечал, что он хочет «свою отчину жаловати и боронити», а князя Репню обещал обвинить, как скоро соберутся на него многие жалобники. Воротаясь во Псков, послы на вече передали полученный ими ответ. После того князь Репня Оболенский сам поехал в Новгород к государю с жалобами на псковичей, которые его будто бы «безчествовали». Меж тем посадники собирали тех, кто имел какое-либо челобитье на князя-наместника; посылали разыскивать таковых же по пригородам и всех отправляли в Новгород. В том числе поехали и такие псковичи, которые желали воспользоваться великокняжеским судом во взаимных своих распрях. Так, старый посадник Леонтий бил челом на посадника Юрия Копыла. Последний должен был также ехать в Новгород, чтобы тягаться со своим противником. Этот Юрий вскоре прислал во Псков грамоту с такими словами: «Аще не поедут посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Репни, ино будет вся земля виновата». Очевидно, великий князь не довольствовался собравшеюся в Новгороде толпою псковских челобитчиков, а желал вызвать к себе как можно более начальных или лучших людей из Пскова. Тут только в душу граждан запало предчувствие чего-то недоброго или, по выражению их летописца, «псковичем сердце уныло». Однако они исполнили совет; в Новгород отправились еще девять посадников и купеческие старосты всех рядов. Но великий князь все еще не давал им никакой управы и говорил только: «Копитесь, жалобные люди, на Крещение дам всем управу». Когда настал этот праздник (6 января 1510 года), псковичам велено было

идти на водосвятие на реку Волхов, куда прибыл великий князь со всеми своими боярами и с духовенством. На ту пору в Новгороде не было владыки: после Серапиона, удаленного в Москву за распри с Иосифом Волоцким, новый владыка еще не был назначен. Воду святил епископ Коломенский. После водосвятия все пошли в Софийский собор, а псковичам великокняжьи бояре кликнули, что государь велел им всем копиться на владычном дворе, где он даст им управу. Когда они все собрались сюда, московские бояре отделили псковских посадников, бояр и купцов, и ввели их в палату, а молодые, т.е. простые люди, остались на дворе. Двери палаты накрепко затворили за лучшими псковскими людьми. Настала решительная минута.

«Пойманы есте Богом и великим князем Василием Ивановичем всея Руси!» — громко молвили им московские бояре.

Этим лучшим людям уже не суждено было увидеть свой родной Псков: им предстоял вывод, т.е. невольное переселение в Московскую область. Их поместили в том же архиерейском доме в ожидании, пока придут из Пскова их семьи. А молодых людей, переписав, раздали новгородцам, чтобы те кормили и стерегли их впредь «до управы».

В это самое время один псковский «купчина» Филипп Попович, ехавший с товаром в Новгород, остановился на Веряже (западный приток озера Ильмень). Тут он услышал о насильственном задержании своих сограждан. Бросив товар, Попович погнал назад и, прискакав во Псков, объявил народу, что «князь великий посадников и бояр и жалобных людей переимал». Псковичи были поражены скорбью и страхом. Созвали вече, и начали спрашивать друг друга, «ставить ли щит против государя» и готовить ли город к обороне. Но тут вспомнили о своем крестном целовании великому князю, а главное о том, что в его руках находится значительная часть их посадников, бояр и других лучших людей, без которых трудно было что-либо предпринять. Пока граждане раздумывали, не зная, на что решиться, из Новгорода приехал один из задержанных там

купцов, по имени Онисим Манухин, с грамотою от своих товарищей. Московские бояре уже успели войти в переговоры с захваченными псковскими лучшими людьми, объявив им, что государь за неправды их посадников и судей должен возложить на них свою великую опалу, но что он, однако, оказывает им милость и требует только снятия вечового колокола и водворения своих наместников, которые будут судить во Пскове и по пригородам. В противном случае великий князь грозил войною и большим кровопролитием. Лишенные свободы, псковичи согласились на эти требования и принесли присягу на верное служение государю. В грамоте, которую привез Онисим Манухин, они извещали своих сограждан, что уже дали государю крепкое слово на его требования за себя и за всю Псковскую землю. Выслушав эту грамоту, псковское вече отправило в Новгород гонцом сотского Евстафия со смиренным челобитием, чтобы государь сжалился над своею «старинною отчиною». Очевидно, псковичи надеялись изъяснением полной покорности смягчить великого князя и отдалить от себя судьбу, постигшую их старшего брата, т.е. Великий Новгород. Наивная надежда.

В Псков приехал от великого князя дьяк Третьяк Далматов. 12 января, в субботу, уже довольно поздно, собралось вече у Св. Троицы. Подле Троицкого собора находился возвышенный помост, или «вечевая степенъ». Далматов взошел на ступень и прежде всего сказал Пскову поклон от великого князя. А затем объявил две его воли: первая, чтобы вече более не было и колокол вечевой снять; вторая, чтобы посадников более не было, а быть в городе двум наместникам и по пригородам тоже быть наместникам. «А только тех двух воль не сотворите, — заключил дьяк, — ино как государю Бог по сердцу положит, ино у него много силы готовой, и то кровопролитие на тех будет, кто государевы воли не сотворит; да государь наш князь великий хочет побывати ко святей Троицы во Псков». Окончив свое слово, Далматов сел тут же на ступени в ожидании ответа.

Хотя суровые московские требования уже не составляли никакой неожиданности, однако псковичи были сильно смущены и молча проливали слезы. Наконец, попросили сроку до следующего утра, чтобы подумать об ответе.

Тяжела была наступившая ночь; в городе слышались плач и стенания, граждане, очевидно, не могли придумать ничего другого, кроме покорности.

На рассвете воскресенья 13 января вечевой колокол в последний раз собрал псковичей на вече. И тут посадник, от имени города, дал такой ответ Далматову:

«В наших летописцах записано крестное целование псковичей прадеду, деду и отцу государя, на том, чтобы нам не отойти от великого князя, который будет на Москве, не отойти ни к Литве, ни к немцам, а если сие учиним или начнем жить без государя, то да будет на нас гнев Божий, глад и огонь, и потоп, и нашествие поганых; а если государь наш великий князь не учнет нас в старине держати и то крестное целование не будет соблюдать, на него такой же обет, как и на нас. А ныне волен Бог, да государь в своей отчине во граде Пскове и в нас, и в колоколе нашем. А мы прежнего своего целования не хотим изменить и на себя кровопролитие принять, и на государя своего руки поднять, и в городе заперетися не хотим. А государь наш князь великий хочет Живоначальной Троице помолитися и в своей отчине побывати, и мы своему государю рады всем сердцем; да не погубит нас до конца».

Вечевой колокол немедленно спустили с Троицкой звонницы. Смотри на него, граждане горько плакали о своей старине и минувшей вольности. В ту же ночь Третьяк Далматов повез его в Новгород к великому князю.

Спустя несколько дней во Псков прибыли с передовым военным отрядом московские воеводы: князь Петр Великий, Хабар и Челяднин, и начали приводить граждан к присяге. За ними следовал сам государь с главными силами. Псковские посадники, бояре и дети боярские отправились встречать его в селение Дубровну, т.е. на самую границу своей земли. 24 января, в четверг Василий Иванович вступил во Псков. Граждане вышли к нему навстречу за

три версты от города и ударили ему челом в землю. Василий спросил их о здоровье.

«Ты бы, государь, наш князь великий, царь всяя Руси, был здоров!» — получил он в ответ.

Прибывший наперед его коломенский владыка Вассиан Кривой сказал псковским священникам, что великий князь не велел им выходить далеко к нему на встречу со крестами. Поэтому духовенство ожидало его со крестами на Торговой площади. Тут Василий слез с коня, принял благословение от владыки и отправился со своею свитою в собор Св. Троицы, где отслужили молебен и пропели многолетие государю. После чего владыка Вассиан, осенив великого князя крестом, сказал:

«Да благословит тебя Господь Бог, Псков взявши».

Услыхав такое приветствие, бывшие в церкви псковичи оскорбились и горько заплакали. Очевидно, москвичи не ценили их покорность и относились к ним как к побежденному неприятелю. «Бог волен, да государь, а мы изстари были отчиною его отцов и дедов, и прадедов!» — говорили граждане.

Но мера их страданий еще далеко не исполнилась. В ближнее воскресенье, 27 января, великий князь позвал на свой двор псковских посадников, детей посадничьих, бояр, купцов и житых людей, говоря: «Хочу вас жаловати своим жалованьем». Когда псковичи собрались на двор, повторилось то же, что произошло в Новгороде. На крыльце стоял князь Петр Васильевич Великий, бывший прежде наместником во Пскове, и, следовательно, хорошо знавший лучших людей: он выкликал поименно посадников, бояр и старейших купцов, приглашая их войти в гридню. Там вошедших московские бояре немедленно «отдавали за приставы», т.е. под стражу московским детям боярским. А младшим людям, оставшимся на дворе, Петр Васильевич сказал: «До вас государю дела нет, а до которых государю дело есть, тех он к себе емлет того для, что вы бивали на них челом не одинакова, что вам от них чинится продажа и сила великая, а вас государь пожалует грамотою своею

жалованною, как вам вперед жити». С тем отпустил их со двора. Лучшим же людям, задержанным в гридне, объявлено, что «во Пскове им оставаться непригоже по причине многих на них жалоб и что государь жалует их своим жалованьем в Московской земле». На другой же день их с женами, детьми и легким имуществом отправили в Москву в сопровождении отряда боярских детей. С ними посланы также жены и дети тех псковичей, которые были прежде задержаны в Новгороде. Всего тогда выведено было из Пскова 300 семей. На место их во Псков переведено было столько же семей из торгового сословия разных московских городов. При самом размещении их во Пскове приняты такие меры, которые лишали его всякой возможности затеять какое-либо возмущение против московского государя, подобное новгородскому 1480 года. Во-первых, псковский детинец, или Кром (т.е. Кремль), был совершенно очищен от построек или клетей, наполненных частным имуществом (которое хранилось здесь для большей безопасности). На их месте назначено построить государев двор и его хлебные житницы. Далее, в Среднем городе, примыкавшем к Домонтовой стене детинца, все дворы отобраны также на государя и розданы переселенцам из Москвы, а прежние их обитатели переведены в Окольный город и на посад. В Среднем же городе помещены были дворы московских наместников, а при них, в виде гарнизона, тысяча московских боярских детей и пятьсот новгородских пищальщиков. Сообразно с этою мерою уничтожен и главный городской торг, находившийся в Среднем городе. Вместе с тем изменены и самые условия торговли: прежде во Пскове торговля была свободная; в городе не было застав или колод для взимания пошлин с привозимых товаров, а теперь московские гости, по приказу великого князя, установили московскую тамгу; въезды и выезды стали охраняться московскими пищальниками и воротниками. Деревни псковских бояр, сведенных в Москву, великий князь роздал своим боярам и служилым людям. Во Пскове он посадил двух наместников, Григория Федоровича Морозова и Ивана Анд-

реевича Челяднина, и двух дьяков — Мисюря Мунехина и Андрея Волосатого; назначил 12 городничих, которые заведовали городскими укреплениями, огнестрельным снарядом, пищальниками и воротниками (вероятно, двух для Пскова, а остальных — для его десяти пригородов). Кроме того, определил 12 старост из коренных обывателей и столько же их новых, т.е. московских переселенцев. Эти 24 человека должны были по очереди присутствовать на суде наместников и их тиунов. В память псковского взятия Василий Иванович велел соорудить тут церковь во имя Ксении, ибо он прибыл во Псков в день ее памяти. Целые четыре недели он прожил здесь, перестраивая старую вечерую общину на московский лад. На второй неделе поста в понедельник Василий, наконец, выехал из Пскова, причем захватил с собою и другой, меньший, вечерой колокол, или так называемый К о р с у н с к и й в е ч н и к.

Хотя великий князь, согласно помянутому его обещанию младшим людям, дал Пскову новую уставную грамоту, по которой его наместники в городе и по пригородам должны были творить суд и правду, однако с его отъездом немедленно начались жестокие притеснения населению и вымогательства от наместников и их тиунов. Так, например, их приставы начали с подсудимых взимать от поруки по пяти, семи и даже десяти рублей; а если псковитин не дает этих денег, ссылаясь на грамоту великого князя, то его подвергали нещадным побоям. Присутствие на суде выборных городских старост, очевидно, не сдерживало произвола московских чиновников, смотревших на суд как на средство наживы. От их насилия и поборов многие жители покинули свои дома и семьи и разбежались по иным городам; многие уходили в монастыри и постригались; торговые иноземцы также разъехались по своим землям; остались только те псковичи, которым некуда было деться; так как, по выражению их летописца, «земля не разступится, а вверх не взлететь».

Живо и поэтично изображает этот летописец картину бедствий, обрушившихся на его родной город:

«О славнейший граде Пскове великий! почто бо сетуешь и плачешь? — Отвечает прекрасный град Псков: как мне не сетовати, не плакати и не скорбети о своем опустении? Прилетел на меня многокрылый орел, исполненный львиных когтей, и взял от меня три кедра Ливанова, красоту мою, богатство и чада мои похитил. Божьим попущением землю пусту сотворили, град наш разорили, люди мои пленили; одни торжища мои раскопали, а другие коневым калом заметали; отцов и братию нашу развели туда, где не бывали отцы и деды и прадеды наши, а матерей и сестер наших в поругание дали. Многие во граде постригались в чернецы, а жены в черницы, не хотя идти в полон во иные грады... Мы не покаялись, но на больший грех превратились, на злые поклепы и лихия дела и на вече кричание, не ведая главою, что язык глаголетъ; не умея своего дому строити, хотим град содержать... И у наместников, и у их тиунов, и у дьяков великого князя правда их, крестное целование, взлетела на небо и кривда в них нача ходити, и нача быти многая злая от них, были немилостивы до пскович; а псковичи бедные не ведали правды московския».

Великий князь, однако, не одобрил поведение своих первых двух наместников во Пскове. В следующем 1511 году он сменил их; а на их место назначил уже знакомого псковичам князя Петра Великого и князя Семена Курбского. Местный летописец замечает, что эти наместники были добрые и при них начали возвращаться на родину те псковичи, которые разбежались было от насилия их предшественников. Великий и Курбский оставались во Пскове четыре года. Вообще, наместники здесь менялись довольно часто; но один из двух назначенных сюда дьяков, Мисюрь Мунехин, заведовавший приказными делами, оставался неизменно до самой своей смерти (1528 г.). Пользуясь доверием великого князя и умея поминками задабривать его приближенных, этот опытный, умный дьяк сосредоточил в своих руках почти все управление вновь присоединенной области, т.е. ее дела гражданские и церковные, руководил ее внешними отношениями к соседям-немцам и постройкою

новых укреплений во Пскове. Мунехин явился здесь самым видным проводником московской государственности и московских обычаев. Между прочим, любопытен его отношения к сфере церковной.

Верстах в пятидесяти от Пскова, почти на самом рубеже с Ливонией, незадолго до того времени возникла небольшая обитель с двумя храмами, одним пещерным во имя Успения Богородицы, другим нагорным во имя преподобных Антония и Феодосия — очевидно, в подражание монастырю Киево-Печерскому. Во время предыдущей Ливонской войны она подверглась разорению. Дьяк Мисюрь вместе со своим подьячим Ортюшою-псковитином излюбили это место, начали посещать его в богородичные праздники в сопровождении многих людей, одели и кормили братию. Это привлекло и других богомольцев; слава обители росла вместе с молвою о совершавшихся в ней исцелениях. Мисюрь на собственное иждивение раскопал гору; возвел при старой пещере новый храм и братские келии; возил по большим праздникам отсюда великому князю просвиры и святую воду и, таким образом, сделал эту обитель известною и чтимою в самой Москве. Возобновленный им и устроенный Псково-Печерский монастырь явился потом не только одной из главных святынь Псковской земли, но и важным оплотом ее от Литвы и ливонских немцев, благодаря своим крепким каменным стенам с башнями. Далее, Василий Иванович, по видимому, имел намерение осуществить давнее стремление псковичей к самостоятельной епархии, т.е. к церковному отделению от Новгорода: теперь обе общины были присоединены к Москве, и она могла бы беспрепятственно произвести это отделение. Когда в 1528 году новгородский владыка Макарий приехал во Псков на обычный месячный подъезд, тут неожиданно для него дьяк Мунехин показал ему великокняжескую грамоту, по которой ему дозволялось оставаться во Пскове не целый месяц, а только десять дней. Вероятно, эта мера должна была служить переходом к отделению псковской епархии от новгородской. Однако дальнейших мер не последовало, и прежнее положение удержалось еще

на целые шестьдесят лет. Но именно в том же 1528 году умер скоропостижно дьяк Мунехин, и погребен в помянутом Печерском монастыре. Может быть, с его-то смертью и пришла в забвение мысль об основании псковской епархии. После его смерти, по приказу великого князя, производился какой-то розыск о его «животах», т.е. о его имуществе, причем близкий Мунехину человек, подьячий Ортюша, подвергся пытке. По-видимому, дело это возникло по жалобе племянников Мунехина, обманувшихся в надежде получить от него большое наследство. У него найдены были только записи, кому и сколько денег он роздал на Москве (или в долг, или в поминок), боярам, дьякам и детям боярским. Великий князь велел все эти деньги взыскать в собственную казну. Летописец иронически замечает, что после Мисюря дьяки часто менялись и были они «мудры, и земля пуста, и начала казна великого князя во Пскове множиться, а из дьяков ни один не съехал по здорову в Москву, все воевали друг на друга». В псковских городах московские наместники утесняли и разоряли граждан, в особенности «подметом и поклепом», т.е. привлекая их к суду с помощью ложно взводимых преступлений.

Так окончила свое почти двухсотлетнее самобытное существование псковская община. Зависимость от Москвы была уже настолько велика, а меры, принятые Василием III, были так обдуманно, что присоединение Пскова совершилось без всякого пролития крови. Впрочем, материальными силами и политическими преданиями он не мог тягаться со своим старшим братом — Великим Новгородом. Не захотел он также изменять общерусскому отечеству и искать союза с исконными своими врагами немцами или вступать в подданство католического короля Польши и Литвы, чтобы противопоставить их Москве. К тому не встречаем никаких даже попыток, хотя во Пскове не было, конечно, недостатка в людях, предвидевших близкое падение самобытности. С глубокой скорбью, но тихо, с молчаливым достоинством подчинился Псков своей участи, и в этом отношении остался верен своему общему историческому характеру, бесспорно

имеющему многие светлые, симпатичные стороны. Объединение Псковской земли с Московским государством, как мы видели, сопровождалось насильственным выводом или переселением ее лучших людей (впрочем, далеко не в таких огромных размерах, как в Новгороде) и важными перемещениями в самом городе. Все это, конечно, стоило больших экономических или имущественных потерь; затем объединение земли усилилось от грубости и неправосудия московских наместников, тиунов и дьяков. Объединение, смешение с московскими переселенцами и влияние московских порядков не замедлили обнаружиться и на самих нравах. По замечанию наблюдательного иностранца той эпохи (Герберштейна), на место прежних гуманных и общительных псковских нравов появились испорченные московские; прежде в торговых делах псковичи отличались честностью и верностью своему слову, а теперь стали прибегать ко лжи и обманам. Хотя подобное свидетельство не чуждо пристрастия и преувеличения, но, несомненно, оно заключает в себе долю правды. Огрубение нравов, впрочем, по разным признакам, и здесь началось уже прежде (4).

Покончив с псковскою самобытностью, московский государь возобновил борьбу с польско-литовским королем.

Заклученный в 1509 году мир оказался только небольшим перемирием. Пограничные ссоры и взаимные обиды не прекращались и служили постоянным предметом жалоб и пререканий с обеих сторон. Но главным поджигателем к новой войне, по-видимому, служил Михаил Глинский с его неудовлетворенным честолюбием и обманутыми надеждами. Сигизмунд опасался этого беспокойного врага и не раз, хотя тщетно, просил его выдачи, обвиняя его то в смерти своего брата, Александра Казимировича, то в изменнических сношениях с датским королем. Глинский, в свою очередь, воспользовался положением вдовствующей королевы Елены Ивановны, чтобы обострить московско-литовские отношения. Устраненная по смерти мужа от всякой политической роли, Елена предавалась хозяйственной деятельнос-

ти и попечениям о своих литовских имениях, данных ей Александром и Сигизмундом, разъезжала по своим волостям, выдавала разные грамоты относительно их управления и, верная привычкам своего рода, копила себе большую казну. Василий Иванович, при частых посольских сношениях с польско-литовским двором, постоянно справлялся, нет ли каких обид его сестре, не принуждают ли ее к латинской вере, держат ли в чести? Очевидно, высшее католическое духовенство Польши и Литвы продолжало с неудовольствием смотреть на вдовствующую королеву, столь непоколебимую в своем православии; а под влиянием духовенства литовские католические вельможи также стали относиться к ней недружелюбно; вероятно, кроме того, они с завистью смотрели на ее имения и богатую казну. Как бы то ни было, только в 1512 году в Москву пришла следующая жалоба от Елены Ивановны: собралась она из Вильны, по обычаю, ехать в свое имение, в город Бреславль, куда послала уже наперед себя своих людей. Вдруг воеводы виленский Николай Радивил и трокский Григорий Остыков с другими папами не только не пустили ее в Бреславль, но вывели ее из храма Пречистой, взяв за рукава, насильно посадили в сани и отправили в Троки, говоря, будто она хочет уехать в Москву со всей своей казной, а из Трок отвезли ее в жмудское местечко Бирштаны; имения и казну у нее отняли, людей ее разогнали и держат ее в неволе.

Василий немедленно послал к Сигизмунду с запросами и укоризнами. Сигизмунд отвечал, что никакого насилия Елене не было, а только ее просили не ездить в Бреславль по причине небезопасности пограничных мест. Но вслед за тем пришло из Литвы другое более скорбное известие: Елена, находясь к неволе, внезапно скончалась. Дело не обошлось, конечно, без молвы о том, что смерть была насильственная. Такую молву особенно поддерживал Михаил Глинский, который узнал даже подробности этого темного дела и подал о них запись государю. А именно: Елена из своей неволи посылала к королю Сигизмунду жалобу на своих притеснителей, но король никакой управы не учи-

нил. Тогда помянутые литовские паны умыслили на ее жизнь; они подкупили трех человек из прислуги, в том числе собственного ключника королевы, Митьку Иванова, и прислали им лихое зелье. Это зелье подмешали в мед и дали испить королеве в четверг на всеедной неделе. К вечеру ее не стало. С той вестью пригнал в Вильну к панам ключник Митька. Николай Радивил принял его на свою службу и наградил именем. Правда ли все это, о том историку приходится сказать вместе с русской летописью: «Бог весть». Но невероятного тут ничего нет.

Другая, еще более важная причина разрыва заключалась в коварной политике Сигизмунда по отношению к Крымской Орде. Усердными подговорами, подарками хану, его царевичам и вельможам Сигизмунду удалось разрушить долголетний союз Менгли-Гирея с Москвою и вооружить против нее Орду. Несмотря на недавно заключенный мир с Василием, король вступил в тайный договор с ханом и обязался платить ему ежегодно по 15 000 золотых, если татары будут воевать Московское государство. Менгли-Гирей был уже стар и не мог держать власть твердою рукою, а его буйные сыновья жаждали добычи. В течение 1512 года Крымские татары, под начальством царевичей Ахмата и Бурнаш-Гирея, сделали три набега на Белевские и Рязанские украины и подступили, хотя безуспешно, к самой Рязани. С этого времени открылся длинный ряд опустошительных набегов Крымской разбойничьей орды, имевших неисчислимые последствия для всего Московского государства.

Москва имела в Крыму своих доброхотов и немедленно узнала о договоре Литвы с ханом, а также о военных приготовлениях Сигизмунда. В думе великокняжеской решено было предупредить врага. Василий послал королю «складную грамоту», или объявление войны, и вслед за тем зимою 1513 года сам выступил в поход с Михаилом Глинским, воеводами Даниилом Щенею и Репнею Оболенским. На этот раз предпринятая война имела определенную цель: возвращение от Литвы древнего русского города Смоленска с его областью. Осада этого города продолжалась шесть недель.

Смоленск, расположенный по крутым холмам Днепровского берега, был хорошо укреплен. Великий князь попытался взять его нечаянным ночным приступом и для ободрения людей велел им выкатить бочку меда и пива. В полночь полупьяные пищальники полезли на укрепления, а «посоха» (пешая рать, набранная из крестьян) несла за ними примет; но приступ был отбит с большими потерями. Василий воротился в Москву, а летом того же года он вновь осадил Смоленск. Меж тем другая рать, собранная в Новгородской и Псковской области, ходила на Полоцк, а оттуда пришла также к Смоленску. Хотя москвитяне выиграли открытую битву под Смоленском, однако осада его и на этот раз не удалась. Московский пушечный «наряд», огражденный турами, громил стены, но действовал неискусно; а то, что он разрушил днем, осажденные успевали исправлять ночью. Опять Василий воротился в Москву, ограничась опустошением литовских пределов. Однако решено было добывать Смоленск во что бы ни стало, и немедленно начали готовиться к новому походу. С особенным усердием хлопотал о том Михаил Глинский, которому, как говорят, Смоленск был обещан на правах удельного княжения. Он посылал верного человека в Силезию, Чехию и к немцам, чтобы нанимать там в московскую службу людей, хорошо знавших военное дело. Такие люди, действительно, были наняты и прибыли в Москву через Ливонию.

Император Максимилиан не только держал сторону Москвы, но и усердно возбуждал ее к войне. Он имел виды на Чехию и Венгрию, которыми владела тогда династия Ягеллонов в лице старшего Сигизмундова брата Владислава Казимировича. Этим видам Габсбургского дома сильно противодействовала национальная венгерская партия, во главе которой стоял знатный магнат граф Иоанн Заполья; а король польско-литовский Сигизмунд не только дружил с этой партией, но и вступил в брак с сестрою Иоанна Заполья, Варварою, в 1512 г., чем сильно вооружил против себя Максимилиана. Этот последний предложил свой союз государю Московскому и к тому же союзу привлек молодого

СОДЕРЖАНИЕ

Литовские отношения и последний уделы при Василии III	5
Внутренние дела при Василии III	54
Детство и юность Ивана IV	90
Покорение Казани и война ливонская	123
Эпоха казней и опричнины	196
Иван Грозный и Стефан Баторий в борьбе за Ливонию	244
Царь Федор Иванович и Борис Годунов	295
Юго-восточные окраины и покорение Сибири	342
Государственный строй Московской Руси	383
Доходы, войско и церковь в Московской Руси	431
Состояние просвещения в Московской Руси XVI века	471
<i>Примечания</i>	527
<i>Список сокращений</i>	635